

УДК 93.94

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАЧЕСТВА
НА РОССИЙСКОМ КАВКАЗЕ И В СОПРЕДЕЛЬНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ
НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В.А. Матвеев

**USING THE EXPERIENCE OF ORGANIZING THE COSSACKS
IN THE RUSSIAN CAUCASUS AND NEIGHBORING COUNTRIES
ON THE EVE AND DURING THE FIRST WORLD WAR**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отображен результат исследования возникшей в начале XX в. необходимости использования опыта организации российского казачества, применении его в поддержании стабильности на Кавказе и в противодействии периодически возникавшим внешним угрозам. Интерес к нему проявляло и руководство Ирана. По ходу Первой мировой войны в Российской империи официально также признавалась потребность с учетом ранее возобновлявшихся трагических обстоятельств на включенной в состав государственного пространства территории Турецкой Армении для защиты христианского населения создания зоны казачьей оседлости. С 1915 г. осуществлялась разработка проекта формирования Евфратского казачьего войска. Получил он и финансовую поддержку. Несмотря на геополитическое противостояние и цивилизационные вызовы, по мнению автора, направленность на поддержание российского варианта государственного и конфессионального сплочения при этом не нарушалась.

Abstract. The article reflects the result of the study of the need that arose at the beginning of the XX century to use the experience of organizing the Russian Cossacks, its application in maintaining stability in the Caucasus and in countering periodically emerging external threats. The Iranian leadership also showed interest in the Russian Cossacks. During the First World War, the Russian Empire also officially recognized the need, taking into account the previously renewed tragic circumstances on the territory of Turkish Armenia, to create a zone of Cossack settlement for the protection of the Christian population. Since 1915 a project for the formation of the Euphrates Cossack army has been developed; it received financial support. Despite the geopolitical confrontation and civilizational challenges, according to the author, the focus on maintaining the Russian version of state and confessional cohesion was not violated.

Ключевые слова: геополитические вызовы, Евфратское казачье войско, Первая мировая война, Персидская казачья бригада, российский Кавказ, Турецкая Армения, фактор влияния.

Keywords: geopolitical challenges, Euphrates Cossack army, World War I, Persian Cossack brigade, Russian Caucasus, Turkish Armenia, influence factor.

К опыту использования казачества как государственной опоры на окраинах Российской империи, интерес проявляли и за рубежом. Привлекательной в этой связи оказывалась военная его организация. В 1902 г. по просьбе шаха

Наср-Эддина в составе вооруженных сил Ирана, например, была сформирована при содействии назначенных из Петербурга инструкторов казачья бригада, отличавшаяся дисциплинированностью и высокой боеспособностью. Высшее руководство этой сопредельной с российским Кавказом страны рассматривало ее в качестве элитного подразделения, на которое можно положиться в случае какого-либо военного конфликта. Одна из попыток по его инициативе создания казачьей бригады в Иране предпринималась еще в 1879 г., и к ее реализации, как и в начале XX в., привлекались русские офицеры [1, с. 255].

В обязанности Персидской казачьей бригады вменялись весьма широкие функции, связанные не только со службой в резиденции шаха, но и с противостоянием беспорядкам, подавлением бунтов, подготовкой офицеров для иранской армии, воспитанных в духе воинских уставов, существовавших в вооруженных силах Российской империи [1, с. 255, 257]. Намерение создать такое подразделение в Иране оказалось весьма устойчивым и в начале XX в. вновь было обращено в практическую плоскость. Только на персидскую казачью бригаду на этот раз, наряду с охраной внутреннего порядка, возлагались и обязанности защиты от внешней угрозы. Командиром бригады являлся русский штаб-офицер, состоявший на императорской действительной службе. При нем находились несколько других офицеров, большей частью армянского происхождения, командовавших полками и батареями. Все они служили при штабе [1, с. 257].

К казачьей бригаде были прикреплены несколько русских унтер-офицеров, выполнявших функции инструкторов. Остальные командные должности в казачьей бригаде, как и в самой иранской армии, занимались местными представителями. Для производства в офицеры в Иране в тот промежуток времени не требовалось никакой особой подготовки, зато большинство персидских казачьих офицеров принадлежали к самым привилегированным слоям общества. Кроме шаха, командир казачьей бригады подчинялся еще военному губернатору Тегерана и русскому послу, но не военному министру. Этим подчеркивалась не только значительная самостоятельность положения командира бригады, в нем вместе с тем соблюдалось и политическое значение этих казаков для государственных интересов России [1, с. 257]. Организацией регулярного войска в Иране специалисты ее занимались, как было отмечено, и раньше, помогая этой стране в противостоянии колониальной экспансии Англии.

Формирование Персидской казачьей бригады при поддержке России происходило вплоть до наступления революционного кризиса в 1917 г., что само по себе показательно. Это соединение было одним из самых дисциплинированных и боеспособных в шахской армии [2, с. 55]. Намерение же перенять опыт военной организации восточнославянского казачества обусловило ограниченное военное присутствие России в Иране, что укрепило ее геополитические позиции в регионе. И сама практика, как видно, не рассматривалась в качестве пережиточной. За исключением офицеров весь личный состав Персидской казачьей бригады состоял из мусульман.

Несмотря на проводившуюся в период первой мировой войны немецкой агентурой панисламистскую пропаганду в Иране с целью вовлечения шаха и его правительства в противостояние с Россией, данное подразделение удалось использовать в интересах укрепления ее геополитических позиций. Достичь предполагавшегося результата Германии не удалось даже при весьма изощренных действиях ее посла и консула в этой стране. Они не смогли обеспечить выполнение поручений ни при помощи специально подготовленной для панисламистской пропаганды агентуры, ни подкреплениями усилий подкупом «по всем направлениям» с использованием золота. Персидская казачья бригада, как заметил в мемуарах генерал-майор Е.В. Масловский, расположенная «в самом Тегеране с русскими инструкторами... русским же начальником ее» и в период Первой мировой войны по-прежнему служила опорой для Петрограда. Правящие же круги Германии выражали недовольство «медленной работой пропаганды», не дававшей «ощутимых и быстрых результатов» [3, с. 202].

Для устранения возникновения вероятных осложнений, о чем поступали донесения от русской разведки, вступивший в должность наместник его императорского величества на Кавказе великий князь Николай Николаевич распорядился создать Персидский экспедиционный корпус из подразделений, выделенных с турецкого фронта [3, с. 202, 206]. Как главнокомандующий над находившимися там воинскими соединениями он перед ним поставил задачу, «не входя в Тегеран, занять важнейшие в стратегическом отношении пункты страны», не допустить дальнейшего «проникновение немецкой пропаганды и провоза оружия», устранить вероятность вступления в войну еще одного сопредельного государства и поднять «соответствующими мероприятиями... поколебленный» там враждебными действиями Германии «престиж России» [3, с. 206].

Отправленный с Кавказского фронта экспедиционный корпус по распоряжению его главнокомандующего усилила «Персидская казачья бригада в Тегеране», развернутая в дивизию. Приказ был исполнен неукоснительно, так как руководство ею осуществлялось, согласно уточнению генерал-майора Е.В. Масловского, русскими офицерами [3, с. 206]. Такими мерами «в короткий срок» провокационная деятельность германских агентов в Иране оказалась пресеченной. Персидская казачья бригада сыграла в тех условиях роль резервного, но очень важного подразделения. При возникшей необходимости оно оказалось востребованным к боевому взаимодействию с русским экспедиционным корпусом [3, с. 207].

Перед отправленным с кавказского фронта соединением чуть позже после передислокации ставилась также задача через Иран «выйти в район Багдада и соединиться с войсками англичан для совместных действий против Турции» [4, с. 19]. Вследствие успешных действий экспедиционного корпуса стратегические позиции России на южных рубежах усилились. Изменение же обстановки в случае переориентации Ирана на Германию привело бы к возрастанию напряженности на Кавказе и дестабилизации обстановки в ряде

его сложных по этническому составу административных субъектов. Отсутствие прикрытия казачьей оседлостью границ с Ираном и Турцией вызвало бы неизбежный отток христианского, в том числе и русского, населения. Иные сдерживающие факторы задействовать для предотвращения угрозы было невозможно.

Отсутствие прикрытия казачьей оседлостью «мирного населения... приграничной полосы от набегов» воинственных племен с территории сопредельного государства оставляло там «русскоподданных» без надежной защиты. Существовавшее изначально намерение по ее созданию в Закавказье при относительно быстром исчерпании свободных земель оказалось неосуществленным. Не обеспечивалось ограждение от разбойных нападений, как засвидетельствовано в мемуарах генерал-майора Е.В. Масловского, и «русскоподданных в пределах самой Персии». Преступные промыслы «приграничных с Россией воинственных кочевых племен» вследствие этого ежегодно оживлялись «в летний период» [3, с. 399]. Вторжения производились с иранского и турецкого направлений «со специальной целью грабежа», по констатации генерал-майора Е.В. Масловского, «мирного населения приграничных частей Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерний» [3, с. 400].

Предотвращать нарушения российской границы «малочисленной пограничной страже» оказывалось не под силу. На подкрепление направлялись лишь «роты, батальоны и команды разведчиков от частей Кавказской армии» [3, с. 400]. Но для надежности, по мнению ответственных военных, необходимы были и казачьи поселения. По ходу же Первой мировой войны им неоднократно приходилось сталкиваться с массой армянских беженцев, которые «толпами» перемещались в места расположения подразделений Кавказской армии в поисках защиты. По свидетельству генерал-майора Е.В. Масловского, происходило это «в неописуемо громадном количестве». Спасаясь от угрозы уничтожения переселенцы «со стадами, с многочисленными повозками, нагруженными... скарбом», переполняя «все дороги», направлялись «в сторону русской границы» [3, с. 521].

Намечалось это именно тогда, когда отступали те или иные подразделения Кавказской армии. Смешиваясь с войсковыми соединениями, беженцы привносили «невообразимый беспорядок», мешали их перегруппировке и подготовке к последующим наступательным операциям. Но даже при складывавшихся затруднениях, по воспоминаниям генерал-майора Е.В. Масловского, «пехота и особенно конница», казачьи формирования, «обращались в прикрытие» спасавшимся от уничтожения [3, с. 521]. Трагические события первой мировой войны также способствовали закреплению в народной среде убежденности, что «откуда уходят русские, оттуда уходят и армяне».

Из-за недостаточности же земельных ресурсов на предшествующем этапе правительственный курс на утверждение численного преобладания казачества, рассматривавшегося в качестве одной из важнейших опор российской государственности в Кавказском крае, оказался нереализованным. Попытки же

исправить положение с недостаточной обеспеченностью землей предпринимались и в период Первой мировой войны. С 1915 г. под предоставившимся политическим предлогом на Кавказе так же, как и по всей стране, в соответствии с принятым правительственным решением предусматривалось ликвидировать землевладение иностранных колонистов. Направленность же данная мера имела исключительно против выходцев из Австро-Венгерской и Германской империй [5, л. 63]. Однако она оказалась нереализованной.

На ликвидацию землевладения данной категории подданных правительство Российской империи вынуждено было пойти под влиянием активизации деятельности немецкой агентуры, пропагандировавшей в расчете на поддержку идею пангерманизма [6, л. 67]. В этой связи при определенных обстоятельствах могла возникнуть угроза для тыла. Изданный 2 февраля 1915 г. закон с нацеленностью на отчуждение земель у проживавших в Российской империи выходцев из Австро-Венгрии и Германии предусматривал прежде всего «добровольную ликвидацию», на которую «оставлялись сроки от 10 до 16 месяцев». Произойти же она должна была, как предполагалось, «во всем 150-верстном приграничном районе» [7, с. 531].

На другие части Российской империи ликвидация не распространялась. Однако через «несколько месяцев» после начала первой мировой войны, по воспоминаниям С.С. Ольденбурга, «все немецкое население... оказалось взятым под подозрение». Недоверие к данной категории подданных устанавливалось как во внутренних губерниях, так и на окраинах, где в разряд неблагонадежного элемента отнесены были колонисты. Издававшиеся на немецком языке газеты закрывались. Исключение не делалось для таблоидов, выпуск которых осуществлялся, по уточнению С.С. Ольденбурга, «со времен Петра Великого» [7, с. 530–531]. Недоверчивое отношение установилось даже по отношению к сектантам меннонитам, поселившимся «на Волге» еще при Екатерине II [7, с. 530].

Те представители аппарата управления и генералитета Российской империи, кто имел объективную осведомленность о настроениях российских немцев, сразу же выступили против такой меры. Они выражали уверенность, что им вполне можно доверять, а по отдельным случаям, нельзя судить обо всех имеющих такую идентичность подданных. Так, на поступившее однажды в период Первой мировой войны предложение, направленное на устранение от службы офицеров с такой принадлежностью, адмирал А.В. Колчак резко возразил: «...у нас, в России, существует масса людей с немецкими фамилиями, которые так же, и может быть, даже больше, работали для блага родины, чем люди, носящие русские фамилии, что у нас, в России, фамилия решительно ничего не значит» [8, с. 72]. Поэтому в ограничении таких подданных в чем-либо он не видел «никаких резонов» [8, с. 72].

Возражение А.В. Колчака, обретавшего знание отечественной действительности не только в качестве адмирала, но и ученого, имело подтвержденность. Преобладающая часть «русских немцев» и при возникших угрозах

изъявляла готовность наравне со всеми защищать отечество. Еще 26 июля 1914 г. на заседании Государственной думы избранные от них депутаты выступили с патриотическими заявлениями. Л.Г. Люц передал, в частности, следующий проявившийся настрой в среде переселившихся когда-то выходцев из стран Центральной Европы: «Немцы, населяющие Россию, всегда считали ее своей матерью и своей родиной, и за достоинство и честь великой России они все, как один человек, сложат свои головы» [7, с. 530].

Отчуждение же земель российских немцев вступало в противоречие с существовавшим законодательством, предусматривавшим охрану собственности. Натолкнувшись на это и ряд других препятствий при реализации, экспроприация собственности подданных, имевших в прошлом австрийское или германское происхождение, так и не получила завершения. Для многих из них Россия так же, как и для других входивших в ее состав народов, стала отечеством. Основанные немцами колонии на Северном Кавказе, сохранились и впоследствии [9, л. 48-об.]. Намерение «ликвидировать землевладение иностранных колонистов», появившееся в период Первой мировой войны в 1915 г. оказалось не осуществленным. Поселения российских немцев на Северном Кавказе оставались нетронутыми и некоторое время спустя.

Достигавшиеся в них высокие хозяйственные результаты проясняют вместе с тем то, что привлечение для колонизации края выходцев из европейских стран являлось оправданной правительственной мерой, даже, несмотря на предоставлявшиеся существенные преимущества при обустройстве по сравнению с русскими переселенцами. Наличие образцовых колоний оказывало в той или иной степени силой примера позитивное воздействие на окружающих, предоставляло возможность заимствования опыта организации сельскохозяйственного производства.

В пределах же Османской империи по ходу Первой мировой войны за симпатии к России инспирировались неоднократно массовые погромы христианского населения. В преобладающей степени они имели направленность против армян. По отношению к ним были предприняты возобновившиеся акции геноцида, истребления по религиозным и этническим признакам. Только на этот раз они носили более массовый характер. В результате уничтожению только в 1915 г. подверглось, по самым приблизительным подсчетам, 1,5 млн армян. Лишь немногим удалось спастись, переместившись в качестве беженцев на территорию России. Прикрытие им обеспечивали подразделения Кавказской армии. Осуждение истребления армян последовало из Петрограда.

Совместные с Россией заявления по поводу геноцида сделали Англия и Франция. Одна из таких деклараций появилась 25 мая 1915 г. В ней содержалось требование о прекращении «массовых убийств и насилия против армян». Страны Антанты дали вместе с тем обещание «привлечь турецких лидеров и тех, кто принимал непосредственное участие» в их преследованиях «к ответственности» [10, с. 59]. Дипломатические усилия в 1915–1916 гг., направленные

на защиту армян, предпринимались и различными зарубежными христианскими организациями. Подключался к этому и Ватикан. Но положение существенных изменений не претерпело. Достигавшиеся результаты оказывались незначительными [10, с. 61].

Под влиянием происходивших событий в период Первой мировой войны вошло в обиход и наименование «Турецкая Армения» [11, л. 10]. Относили же к ней занятое в ходе военных действий русской армией пространство, шесть областей (вилайетов) Турции, имевших до 1915 г. христианское население [12, с. 109]. Вследствие истребления армян в них сложилось еще более существенное преобладание мусульман. Представители генералитета Кавказской армии предлагали ввести занятые ее подразделениями области в состав России и установить для них ее государственное управление. Поддерживал необходимость этого и наместник его императорского величества на Кавказе великий князь Николай Николаевич [13, с. 130], сменивший в 1916 г. И.И. Воронцова-Дашкова.

При выработке решения тогда учитывалась угроза цивилизационной реорганизации пространства, в пределах которого происходило неоднократное сокращение христианского населения. Без предоставления ему российской государственной защиты истребление его могло продолжаться. Удары наносились прежде всего по армянам, право которых на территорию опиралось на критерий принадлежности в прошлом. Против угрожающего для них положения турецкие власти не только ничего не предпринимали, но даже, напротив, потворствовали насильственным действиям против «иноверцев». Лишь незначительная часть проживавших на этой территории «не мусульман» смогла при содействии удерживавших фронт с Турцией подразделений Кавказской армии, и в частности казачьих соединений, спастись бегством под их прикрытием.

Вместе с тем во избежание возобновления случившегося, что было не исключено из-за приграничного положения отвоеванной части «исторической Армении», предполагалось и в ее пределах применить практику разделительных линий, апробированную на Северном Кавказе. Для этого и было намечено в образовавшемся с Турцией приграничье создать из малоземельных казаков различных областей Российской империи Евфратское казачье войско. В этом намерении просматриваются и религиозные интересы, которые в начале XX в. продолжали играть немаловажную роль в геополитике. На создание Евфратского казачьего войска официально были выделены средства (капиталы), ссуды и т. д., для организационной работы сформировано войсковое правление [14].

Под колонизацию же предназначались свободные, не заселенные пространства, которые при определенном приложении усилий можно было приспособить для занятия земледелием и иным сельскохозяйственным производством. Переселять выходцев из центральных губерний России не предполагалось. От этой практики отказались еще в период революции 1905–1907 гг. [15, л. 9-об.]. Не имеет подтвержденности и утверждение, что вошедшую в состав России территорию причастные к выработке политики сотрудники аппарата управления

«не собирались отдавать армянам». Опровергается это, в частности, применявшимися подходами к формированию вначале XX в. казачьих соединений в Иране, к которому без каких-либо ограничений привлекались представители этого народа, служившие в качестве офицеров в вооруженных силах империи. Учитывалось при возложении на них столь ответственной задачи прежде всего хорошее знание особенностей Востока.

У посещавших Кавказ выходцев из центральных губерний, напротив, складывалось впечатление, что политика проводится преимущественно в интересах армян, грузин и других народов края. Не замечали в ней и преобладавшей направленности на удовлетворение потребностей русского населения. Объяснение этому находили в преобладавшем «туземном» составе местной администрации [13, с. 127], которой предоставлялась высокая степень самостоятельности в решении различных проблем. Ее усилия в противодействии процессу русской колонизации Кавказа, судя по всему, не ограничивались. Предусматривавшиеся государственной политикой намерения и в этом отношении органами местного самоуправления игнорировались.

В некоторых публикациях высказывалось мнение, что вначале XX в. правящие круги России смотрели на казачество как на явление, изжившее себя и не имеющее перспективы. Формирование Евфратского казачьего войска опровергает данное утверждение. Только неблагоприятное стечение кризисных обстоятельств сорвало попытку реализации проекта. Участие же армян в нем не исключалось. Но данная возможность оставалась так же, как и проект в целом, лишь на стадии обсуждения и подготовительных мероприятий. В бывших контактных зонах, где время от времени возникали условия повышенной экстремальности, казачье население выполняло функции прикрытия для православного и всех остальных разновидностей христианского населения. Соединяя в своей субэтничности не только русские, но и евразийские свойства, оно также объединяло иноэтнические группы. При формировании Евфратского казачьего войска предполагалось сохранить эту специфику.

Укрепление же на Северном и Южном Кавказе русского присутствия способствовало преодолению многовековой вражды различных этнических групп населения, их консолидации и объединению в пределах единого государства. Создались вместе с тем предпосылки для складывания горской региональной общности, прекращению междоусобиц. Установившееся преобладание в структуре населения восточного славянства способствовало стабилизации, созданию условий для мирных цивилизационных контактов с мусульманским населением. Русские также оказались вовлеченными в процессы региональной интеграции. Складывавшаяся солидарная государственная общность повышала эффективность исторического взаимодействия.

После февральского переворота 1917 г. в Петрограде проводившаяся ранее политика, направленная на совмещение включенных в состав государственного пространства по ходу первой мировой войны ареалов Кавказа,

не претерпела существенных изменений. Между тем фронт, удерживавшийся русской армией, в условиях наметившегося революционного кризиса также оказался подверженным дестабилизации. Меры же по закреплению отвоеванной у Турции территории в составе России предпринимались и при Временном правительстве. В его постановлении «О Турецкой Армении», принятом 26 апреля 1917 г. [16], в этом отношении предусматривалось, в частности, бывшие области Азиатской Турции, занятые российскими войсками, подчинить в административном отношении непосредственно верховным органам власти в Петрограде, что существенно меняло установленный для них с 5 июня 1916 г. территориальный статус [11, л. 10]. Тем самым вводилось предлагавшееся ранее прямое взаимодействие с центром для решения местных проблем.

Постановление Временного правительства о Турецкой Армении, таким образом, свидетельствовало о сохранении, несмотря на другие дестабилизировавшие ситуацию в стране издержки его политики, преемственности в восстановлении Россией исторической справедливости по отношению к христианским народам Кавказа. Перемещение ее границ в сопредельных направлениях, как можно судить по принимавшимся решениям, подошло к завершению. Так же как и многие другие приращения российского пространства, происходившие в разные периоды до Первой мировой войны, оно вообще не предусматривалось. Ослабление вертикали власти при углублении революционного кризиса привело к изменениям в сложившейся этносфере края. В связи с возникшими угрозами христианское население вынуждено было сниматься с обжитых мест и искать возможности для обустройства в иных частях государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грулев, М. Соперничество России и Англии в Средней Азии / М. Грулев. – СПб. : Издал В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений, 1909. – 380 с. – Текст : непосредственный.
2. Д-р Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. / Д-р Руир ; пер. с фр. А. М. Сухотина. – М. : Красная новь, 1924. – 180 с. – Текст : непосредственный.
3. Масловский, Е. В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. : военные мемуары / Е. В. Масловский. – М. : Вече, 2015. – 544 с. – Текст : непосредственный.
4. Буденный, С. М. Первая Конная армия : военные мемуары / С. М. Буденный. – М. : Вече, 2017. – 464 с. – Текст : непосредственный.
5. Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 1. – Текст : непосредственный.
6. ЦИАГ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 7. – Текст : непосредственный.
7. Ольденбург, С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М. : Терра, 1992. – 640 с. – Текст : непосредственный.
8. Колчак, А. В. Ответы на допросах в Чрезвычайной следственной комиссии с 21 января по 6 февраля 1920 г. / А. В. Колчак. – Текст : непосредственный // Колчак: Исповедь под дулом пистолета : протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии. – СПб. : Ленинградское издательство, 2009. – 288 с.

9. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 407. Л. 48-об. – Текст : непосредственный.

10. Феферман, К. Возможности иностранного давления на страны, вставшие на путь геноцида: Армянский геноцид и Холокост / К. Феферман. – Текст : непосредственный // Кавказский сборник. – Т. 10 (42) / под ред. В. А. Захарова. – М. : Русская панорама, 2018. – 336 с. – С. 57–64.

11. ЦИАГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. – Текст : непосредственный.

12. Копчев, Г. И. Турецкое «наследство» и мировая война / Г. И. Копчев. – Петроград, 1917. – 110 с. – Текст : непосредственный.

13. Лурье, С. В. Российская империя как этнокультурный феномен / С. В. Лурье. – Текст : непосредственный // Цивилизации и культуры. Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М. : Институт востоковедения РАН, 1994. – С. 116–131.

14. Государственная дума. 4 созыв. Сессия 5. Заседание 1. Стенографический отчет. Ч. 4. 1 ноября 1916 г. – Текст : непосредственный.

15. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСОА). Ф. 224. Оп. 1. Д. 96 (ч. 2). – Текст : непосредственный.

16. Вестник Временного правительства. – 1917. – 25 мая. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Grulev M. Sopernichestvo Rossii i Anglii v Srednej Azii [The rivalry of Russia and England in Central Asia]. St. Petersburg, Published by V. Berezovsky, commissioner of military educational institutions, 1909. 380 p.

2. D-r Ruir. Anglo-russkoe sopernichestvo v Azii v XIX v. [Anglo-Russian rivalry in Asia in the XIX century]. Moscow, Publishing House "Krasnaya Nov", 1924. 180 p.

3. Maslovskiy E.V. Velikaya vojna na Kavkazskom fronte. 1914–1917 gg. [The Great War on the Caucasian Front. 1914–1917]. (Military memoirs). Moscow, Veche, 2015. 544 p.

4. Budenny S.M. Pervaya Konnaya armiya [The First Cavalry army]. (Military memoirs). Moscow, Veche, 2017. 464 p.

5. Tsentralnyy istoricheskiy arkhiv Gruzii [Central Historical Archive of Georgia]. Fund 224, inventory 1, case 1.

6. Tsentralnyy istoricheskiy arkhiv Gruzii [Central Historical Archive of Georgia]. Fund 224, inventory 1, case 7.

7. Oldenburg S.S. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II [The Reign of Emperor Nicholas II]. Moscow, Terra, 1992. 640 p.

8. Kolchak A.V. Otveti na doprosah v Chrezvychajnoj sledstvennoj ko-missii s 21 yanvarya po 6 fevralya 1920 g. [Answers to interrogations in the Extraordinary Commission of Inquiry from January 21 to February 6, 1920]. Kolchak: Ispoved pod dulom pistoleta. Protokoly zasedaniy Chrezvychajnoy sledstvennoy komissii [Kolchak: Confession at gunpoint. Minutes of meetings of the Extraordinary Investigative Commission]. St. Petersburg, Leningrad Publishing House, 2009. 288 p.

9. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti [The State Archive of Rostov Oblast]. Fund R-1390, inventory 1, case 407.

10. Feferman K. Vozmozhnosti inostrannogo davleniya na strany, vstavshie na put genocida: Armyanskiy genocid i Kholokost . [Foreign pressure on the country embarked on the path of genocide: the Armenian genocide and the Holocaust] // Kavkazskiy sbornik = Caucasian collection, Moscow, Russian panorama, 2018, vol. 10 (42), pp. 57–64. (In Russian).

11. Tsentralnyy istoricheskiy arkhiv Gruzii [Central Historical Archive of Georgia]. Fund 2081, inventory 1, case 227.
12. Kopchev G.I. Tureckoe "nasledstvo" i mirovaya voyna [Turkish "legacy" and a world war]. Petrograd, 1917. 110 p.
13. Lure S.V. Rossiyskaya imperiya kak etnokulturnyj fenomen. [The Russian Empire as an ethnocultural phenomenon]. Nauchnyj almanakh "Civilizacii i kultury" = Scientific Almanac "Civilizations and cultures". Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1994, iss. 1. Russia and the East: Civilizational Relations, pp. 116–131. (In Russian).
14. Gosudarstvennaya дума. 4 sozyv. Sessiya 5. Zased. 1. Stenografi-cheskiy otchet. Ch. 4. [State Duma. Convocation 4. Session 5. Meeting. 1. Verba-tim report. Part 4]. November 1, 1916.
15. Centralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. Fund 224, inventory 1, case 96 (part 2).
16. Vestnik Vremennogo pravitelstva [Bulletin of the Provisional Government]. 1917. May 25.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Использование опыта организации казачества на российском Кавказе и в сопредельном зарубежье накануне и в период Первой мировой войны / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 161–171.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. Using the Experience of Organizing the Cossacks in the Russian Caucasus and Neighboring Countries on the Eve and During the First World War / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 161–171. (In Russian).